

В зале воцарилась тишина. Хань Жуцзы посмотрел на спины многих людей; даже их спины выражали массу эмоций. Старший брат вдовствующей императрицы дрожал — он, вероятно, думал, что это заговор против клана Шан-гуань; У дяди принца Дунхая, Цуй Хуна, был самый точный поклон из всех присутствующих, но он изо всех сил старался спрятаться за канцлером Инь Ухаем; что же касается старого канцлера, то у него тоже дрожала спина, но это обнаруживало не страх, а бессилие, показывая, таким образом, что все происходящее было вне его контроля; Главный правый цензор, Шэнь Минчжи, слегка приподнял спину, как будто он мог сорваться с места в любой момент.

Все это могло быть всего лишь воображением Хань Жуцзы, поэтому он прекратил свои размышления и подошел к Носителю Печати Лю Цзе.

Евнух поставил другую ногу на землю и преклонил колени. Он опустил взгляд вниз и вручил императору единственную в своем роде императорскую печать.

Хань Жуцзы получил шелковый футляр. Он был тяжелым в руках — Лю Цзе, должно быть, было трудно так долго держать его. Внутри была заключена императорская печать квадратной формы, это был уникальный кусок белого нефрита, немного потертый. Он лишь украдкой взглянул на него, прежде чем бросить взгляд на Ян Фэна, не зная, что делать дальше.

Но Ян Фэн продолжал смотреть вниз, не желая каким-либо образом подсказывать Императору.

Остальные были такими же. Только принц Дунхай, стоявший на коленях у двери, бросал взгляды с ненавистью и ревностью.

У Императора было много печатей, но эта Императорская печать исторического наследия была самой ценной. Только при её использовании Император мог издать официальный указ. Возьмем, к примеру, недавно назначенного гранд-маршала Южной армии Шан-гуань Сюя — хотя он уже получил свою печать, его можно было называть только «исполняющим обязанности великого маршала». Только после официального императорского указа он мог по-настоящему занять свой пост.

Сердце Хань Жуцзы колотилось. Наличие Императорской печати означало, что он мог осуществлять императорскую власть за пределами десяти шагов и в пределах тысячи ли. Всего одним простым предложением он мог доставить свою мать во дворец.

Но он даже не успел должным образом освоить радиус десяти шагов. Оглядевшись вокруг, он понял, что зал был заполнен людьми, которым он не мог доверять.

«Мы [Королевское «мы» используется тогда, когда в оригинале используется китайский эквивалент] молоды и несовершеннолетние... невежественны в государственных вопросах, полностью полагаясь... полностью полагаемся на руководство вдовствующей императрицы.

Пожалуйста, передайте Императорскую печать вдовствующей императрице». Хань Жуцзы заикался. Он слишком нервничал, нервничал еще больше, когда догадывался, что рано или поздно его убьют.

«Как прикажете Ваше Величество», — сказал Цзин Яо, который встал, подошел к Императору и взял у него шелковый футляр. Он вздохнул с облегчением. Он уже собирался повернуться, чтобы навестить вдовствующую императрицу, когда канцлер Ухай поднял голову и сказал: «Сыновнее сердце Вашего Величества выставлено напоказ перед всем под небом. Возможно, Ваше Величество издаст указ о награждении всех матерей Империи, чтобы подать пример».

Цзин Яо хотелось яростно ударить себя по рту — он чуть не совершил ту же ошибку. Если он хотел, чтобы вдовствующая императрица законно использовала Императорскую печать, Император должен сам разрешить ее использование. Поэтому он остановился как вкопанный и решил промолчать — этим должны заняться более опытные высокопоставленные чиновники, а ему нужно только подумать о том, как поступить с Лю Цзе, когда вопрос будет решен.

«Да», — кратко сказал Хань Жуцзы. Ему казалось, что его внутренности пусты. Несмотря на то, что он знал, что Императорская печать изначально не принадлежала ему, он все еще чувствовал чувство утраты; или, скорее, можно сказать, он почувствовал желание заполучить печать себе. Ему даже казалось, что он подвел Лю Цзе, но, взглянув на Ян Фэна, он поверил, что его решение передать Императорскую печать было правильным: старый евнух незаметно моргнул, глядя на него.

Канцлер поднялся с большим трудом. Он лично взялся за указ. Это потребовало некоторого времени, и, поскольку все остальные в зале все еще стояли на коленях, Цзин Яо пожалел, что действовал слишком быстро. Шкатулку с печатью он держал в руке, неловко стоя, но и сейчас было бы неловко внезапно встать на колени.

Завеса, отделявшая зал от комнаты для прослушивания, была поднята. Вышла служанка средних лет и сказала: «Вдовствующая императрица издала указ: Императорская печать является важным государственным артефактом, способ ее хранения определяется правилами, установленными предками, которые не следует изменять. Печать останется под опекой Носителя Печати Лю Цзе».

Все в зале подняли головы и в шоке посмотрели на служанку. Канцлер, все еще писал, отложил перо, пытаясь понять намерения вдовствующей императрицы.

Цзин Яо был особенно шокирован, но он был рад передать ему эту горячую картошку. После лишь мимолетного колебания он подошел к Лю Цзе и вернул ему печать.

Это казалось непонятной игрой, о которой Хань Жуцзы мог иметь лишь слабое представление.

Император недолго оставался в Зале. Канцлер Инь Ухай лично подготовил проект указа, который получил единогласное одобрение высших чиновников и был отправлен в комнату для прослушивания на одобрение вдовствующей императрицы. Вдовствующая императрица убрала из проекта некоторые явные заискивания, прежде чем отправить указ на одобрение

императора, после чего на указе была поставлена императорская печать, придавшая ему официальную силу.

Таким образом, указом, восхваляющим материнские достоинства, право использования императорской печати Чу было передано вдовствующей императрице. Хань Жуцзы во второй раз выгнали из зала.

Евнух Лю Цзе, который ценой своей жизни защищал печать, отступил в угол, больше ему нечего было сказать. Главный правый цензор Шэнь Минчжи, славившийся своей прямоотой, имел задумчивое выражение лица — вероятно, он думал о государственных делах. Цуй Хун по-прежнему уклонялся, а вновь прибывший Шан-гуань Сюй уважительно смотрел на императора, пытаясь скрыть огромное чувство облегчения.

Хань Жуцзы ничего не получил, но все равно чувствовал сильное волнение. Императору по-прежнему было на кого обратить внимание. Его руки, возможно, не простирались дальше десяти шагов, но за пределами этих десяти шагов были те, кто потянулся бы к нему. Насколько он знал, когда он шел обратно во внутренний Императорский дворец, в темноте к нему тянулись бесчисленные руки, но он еще не мог их видеть.

Вернув его в свои покои, Ян Фэн вылил на волнение Императора ведро холодной воды. У двери спальни Хань Жуцзы Ян Фэн проигнорировал все приличия и схватил императора за руки, толкая его внутрь. В то же время он махнул руками, приказывая всем остальным не входить. В комнате наводили порядок две служанки, которых Ян Фэн тоже выгнал.

«Дела срочные», — строго и с оттенком критики сказал Ян Фэн. «Пусть Ваше Величество скажет мне правду».

"Конечно." Хань Жуцзы почувствовал, что Ян Фэн немного потерял почву под ногами.

«Ваше Величество когда-нибудь общался с носителем печатей Лю Цзе?»

"Нет."

«Ваше Величество контактировал с кем-нибудь, кроме личных помощников в ваших покоях?»

"Нет."

«Знало ли Ваше Величество о том, что собирается сделать Лю Цзе?»

Хань Жуцзы покачал головой. «Каждое мое действие...» Дверь открылась, и вошла Мэн Э. Она настороженно посмотрела на них двоих. Хань Жуцзы продолжил говорить: «Я понятия не имел. Пусть помощник Ян поверит мне, я был шокирован больше, чем кто-либо другой, когда это произошло».

Ян Фэн некоторое время смотрел на Императора, прежде чем кивнуть. «Я верю Вашему Величеству. Пусть Ваше Величество тоже поверит мне. Подождите здесь, а я пойду исправлять ситуацию.

Хань Жуцзы взглянул на Мэн Э, прежде чем сказать Ян Фэну: «Я не понимаю. Разве вопрос не решен?»

<http://tl.rulate.ru/book/92428/4166930>